

Ю. К. Колосовская
О РОМАНИЗАЦИИ ДАКИИ

История римских провинций будет неизбежно неполной, если не обратиться к вопросу о степени духовного влияния Рима в завоеванных им областях. Обычно этот вопрос решается главным образом на основании количества латинских надписей, данных о числе римских граждан и распространении римских культов. Однако такой подход к решению проблемы представляется слишком поверхностным, ибо несомненно, что степень римского влияния в провинциях зависела от той социальной структуры общества, которую римляне находили в покоренной стране. Несомненно также и то, что различные общественные слои провинции должны были далеко неодинаково воспринимать как влияние римской культуры, так и принесенные римлянами новые социальные отношения. Поэтому судить о степени культурного влияния Рима в той или иной провинции можно только на основании дифференцированного рассмотрения материала применительно к различным социальным слоям ее населения, причем при анализе надписей необходимо иметь в виду, что в многих случаях за латинскими именами и формами кроются местные традиции. Еще С. В. Ешевский справедливо отмечал, что «под внешними формами греческой или римской жизни коренились прежние племенные начала» и что «римское влияние и латинизм не уничтожили вконец местного туземного элемента»¹. Относительно Дакии в западноевропейской буржуазной исторической науке существует довольно устойчивое представление, как о провинции сплошной романизации. Между тем собранный румынскими историками обширный археологический и ономастический материал, относящийся к дако-фракийскому населению провинции, колеблет это представление и дает возможность для совершенно иной постановки вопроса².

Однако исследование осложняется тем, что в период римского владычества Дакия была наводнена переселенцами со всего римского мира, а военное значение дунайских областей предопределяло большое влияние на жизнь провинции стоявших в ней соединений римской армии. Одним из основных источников для разработки рассматриваемой темы

¹ С. В. Ешевский, Центр римского мира и его провинции; Собр. соч., т. I, М., 1870, стр. 133, 181; он же, Очерки язычества и христианства, там же, стр. 382; M. I. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, Lpz., 1930, т. I, стр. 159—160.

² Ср. И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации, М., АН СССР, 1955, стр. 142—152, где автор поднимает вопрос о роли местных традиций в культуре римской Дакии, однако не дает анализа материалов применительно к отдельным общественным слоям населения.

являются votivные надписи. Правда, эти надписи происходят преимущественно из центров римского влияния в Дакии — городов и крепостей, и поэтому, естественно, не отражают процессов, протекавших на всей территории провинции. К тому же дедикантами в большинстве случаев оказываются римские магистраты, жрецы, солдаты, ветераны и вольноотпущенники. Вследствие этого, будучи связанными лишь с частью населения провинции, эти надписи далеко не всегда могут являться свидетельством для суждения о степени романизации как местных сельских слоев даков, так и низших слоев пришлого населения провинции. Тем не менее пристальное изучение даже этих столь специфических данных votивных надписей заставляет сомневаться в том, что духовное влияние Рима действительно получило распространение в широких кругах местного населения.

Поскольку социальная структура римской Дакии уже рассматривалась в нашей историографии¹, в данной статье достаточно лишь кратко отметить то, что, на мой взгляд, отличало социальную структуру провинциального общества.

Известно, что в сферу римского мира Дакия вступила в период, отмеченный симптомами кризиса рабовладельческого способа производства, когда с очевидностью обнаружилась нерентабельность рабского труда. Вследствие этого рабовладельческие отношения в данной провинции получили меньшее развитие и оказались модифицированы влиянием кризиса. Этому способствовало также наличие значительного слоя коренного крестьянского населения, сохранявшего вплоть до римского завоевания пережитки общинного землевладения и племенной организации. Существование коренного крестьянского населения в провинции ограничивало применение труда рабов как в хозяйствах римских граждан или романизированных даков, так и в хозяйствах самих дакийских крестьян. Обнаружив удобные стороны общинной организации для фискальных и административных целей, римляне приспособили общину для несения повинностей и налогов и для доставки солдат, тем самым в какой-то мере консервируя, во всяком случае для отдаленных сельских областей, прежние общественные порядки даков. Вместе с тем развитие в провинции товарно-денежных отношений и внедрение римских социальных и политических институтов имело своим следствием социальную дифференциацию среди дакийского крестьянства и образование частного землевладения на землях общины, что вело к ослаблению племенных и общинных связей и распаду сельской общины. Распад на крупных и мелких землевладельцев имел место также и в среде граждан римских колоний и городов, и в среде ветеранов-землевладельцев за пределами городов. Таким образом, в провинции, с одной стороны, образовывались слои мелких и средних собственников (преимущественно из ветеранов, в число которых входили и даки по происхождению), владевших небольшими виллами или ремесленными мастерскими, основывавшимися не столько на рабском труде, сколько на труде разорявшихся дакийских крестьян. С другой стороны, продолжали сохраняться значительные слои сельского коренного населения, жившего по обычаям своих предков, особенно в районах, отдаленных от римских центров. Это примерное деление дакийского общества на два противоположных общественных слоя, естественно, не исключает существования в провинции класса рабов и наличия отдельных крупных рабовладельцев и землевладельцев. Но для Дакии эти социальные фигуры

¹ И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации; Ю. К. Колосовская, К истории падения римского господства в Дакии, ВДИ, 1955, № 3, стр. 63—84.

не являлись определяющими, поскольку социально-экономические отношения в провинции II—III веков не были столь типичными для рабовладельческого общества, как в старых центрах античного мира. При определении степени романизации отдельных слоев провинциального общества и следует исходить в основном именно из этих особенностей его социальной структуры.

Чтобы определить, в какой степени были затронуты римским влиянием отдельные слои населения римской Дакии, необходимо прежде всего остановиться на обзоре данных о тех римских культах, которые (как принято считать) имели наиболее широкий круг почитателей. Таковыми являются, по общему мнению, культы Либера, Сильвана и отчасти Геракла. Еще А. Домашевский и В. Пырван, а недавно А. Брюль отмечали, что на Дунае Сильван и Либера, а в южнофракийских областях и Геракл ассимилировали в себе прежние верования народов этих областей¹. Таким образом, популярность этих римских культов объясняется тем, что они в какой-то мере оказались созвучными древним верованиям местного населения. В известной надписи из Гермисары (CIL, III, 12572), комментированной как свидетельство именно такой ассимиляции, обращение к *Libero patri et Liberae matri*, несомненно, дает возможность усматривать здесь почитание какого-то женского божества плодородия варварского происхождения, поскольку известно, что в Италии к Либере никогда не прилагалось определение *mater*. Хотя на основании этого нельзя с уверенностью сказать, что данную надпись можно связывать с даками, поскольку эта *Libera mater* могла быть кельтского или германского происхождения, так как известно, что обращения к различным *matres* обычны для солдат рейнских легионов, тем не менее это свидетельство достаточно выразительно. В областях фракийского населения популярность Либера объяснялась также и тем, что уже в период республики культ его ассимилировался с культом Диониса, хотя в начале империи Либера не пользовался расположением императорской власти и не был причислен к главным богам римского государства². Таким образом, для местного населения Дакии, принадлежавшего к северной ветви фракийских племен, Либера-Дионис в какой-то мере являлся отеческим богом. Не случайно поэтому коллегия *Asianorum*, объединявшая переселившихся в Дакию малоазиатских греков — почитателей Диониса, включала в свой состав и лиц дако-фракийского происхождения — *Dizo*, *Eptala*, *Mucianus*, *Tzinto*, *Tzinta*³. Так же и для грека Аврелия Тимофея⁴, обратившегося к Либере (CIL, III, 7683), этот римский бог мог прежде всего восприниматься как Дионис.

Но именно по этой причине та часть посвящений Либере, которая может быть связываема с местным населением провинции или прибывшими с Востока греками, не может являться свидетельством глубокого признания Либера в Дакии, поскольку под римской формой, как указывал еще А. Домашевский, часто могло скрываться чисто местное содержание. Вместе с тем Либера, в силу самого характера своего культа как божества плодородия и произрастания, больше, чем

¹ A. von Domaszewski, *Abhandlungen zur römischen Religion*, Lpz.—B. 1909, стр. 76—80; он же, *Die Religion des römischen Heeres*, Trier, 1895, стр. 53—54; V. Párvan, *Getica, O protoistorie a Daciei*, București, 1926, стр. 145 слл.; он же *Dacia, an outline of the early civilisations Carpatho-Danubian countries*, Cambridge 1928, стр. 163 слл.; A. Bruhl, *Liber pater, origine et expansion du culte dionysiac que à Rome et dans le monde romain*, P., 1953, стр. 166; 214—220.

² A. Bruhl, *ук. соч.*, стр. 182—183.

³ CIL, III, 870; Ion I. R. u s s u, *Onomasticon Daciae*, AISC, IV, 1944, стр. 21 № 19; стр. 212, № 25; стр. 214, № 49; стр. 215, № 61, 62.

⁴ R u s s u, *Onomasticon Daciae*, стр. 197.

какой-либо из других римских богов, мог быть воспринят различными этническими и социальными слоями населения Дакии. Однако и в этом случае признание Либера ограничивалось преимущественно слоем римских граждан-землевладельцев (в их число входили и романизированные даки) и солдатами стоявших в провинции воинских соединений. Первые обращались к Либеру, несомненно, как к земледельческому божеству. Об этом свидетельствует сам характер посвящений. Так, землевладелец Клавдий Аттей Целер, декуршон канавы легиона XIII Gemina (в прошлом ветеран этого легиона) сделал посвящение «отцу» Либеру на благо себе и своим близким (CIL, III, 1093). Другой ветеран, Публий Элий Фронтон и его жена также обратились к Либеру (CIL, III, 1091). Марк Турраний Дил [...], местный житель Дакии¹, землевладелец², и его близкие, поставившие посвящение «отцу» Либеру на благо этому Турранию Дил [...], также чтит Либера именно в этом его качестве (CIL, III, 1548). Для солдат признание Либера в какой-то мере объяснялось теми же причинами (как показал еще А. Домашевский), что и для местного населения, поскольку со времени Адриана практиковался местный набор в войска. Вместе с тем в среде армии, так же, как и в среде провинциальных магистратов и жрецов, более чем где-либо, могли иметь место официозные посвящения, особенно в тех случаях, когда императорской властью отдавалось предпочтение каким-то определенным культам или группе их. Так могло быть и с признанием Либера-Диониса³, который пользовался покровительством Антонинов, особенно Адриана и Антонина Пия, и с признанием Либера и Геракла в правление Северов, когда они были объявлены божественными покровителями династии. Свидетельство этому содержится в некоторых надписях, относящихся к тому времени. Так, Луций Кальвизий Секунд, примишил легиона XIII Gemina, поставивший алтарь «отцу» Либеру на благо императору Коммоду (CIL, III, 1092), жрецы Аврелий Гай и Аврелий Ингенуй, почтившие Юпитера, Геракла и Либера (CIL, III, 7681), так же, как и главный жрец (antistes) Марк Аврелий Комат Супер (CIL, III, 1095), сделали эти посвящения скорее всего по обязанности, в силу своего служебного положения. Кроме того, эти жрецы, так же, как и упомянутый выше ветеран Публий Элий Фронтон (CIL, III, 1091), имели, по-видимому, еще и дополнительные причины, чтобы почтить Либера, так как, судя по их помен'ам, права римского гражданства они получили от Антонинов или Северов.

Таким образом, утверждение о широком признании культа Либера в Дакии⁴ верно только в отношении верхнего слоя населения провинции и отчасти солдат. Это становится еще более очевидным при рассмотрении обращений к Сильвану.

Исходя из того, что посвящения Сильвану из Дакии принадлежат свободным, а не рабам, как в Италии, и что в одном случае посвящение Сильвану поставлено самим наместником Дакии (CIL, III, 1153), Домашевский считал возможным рассматривать Сильвана как национальное божество населения Дунайских областей. Однако этот факт, на мой взгляд, недостаточен для подобного заключения, хотя и не исключает того, что в какой-то мере культ Сильвана мог заменить собою прежние верования даков, поскольку в религиозных представлениях почти любого народа

¹ Russu, *Onomasticon Daciae*, стр. 211, № 16.

² Надпись CIL, III, 1549, называет некоего Гермация, являвшегося управляющим (actor) именем Марка Туррания Дил [...].

³ Bruhl, *ук. соч.*, стр. 164—167; 186—193.

⁴ Мне не представляется значительным и число посвящений Либеру из Дакии — 24 (см. Bruhl, *ук. соч.*, стр. 215); ср. Domaszewski, *Die Religion...*, стр. 54.

древности, конечно, имелись сходные черты. Наиболее вероятно это в отношении богов, олицетворявших природу, борющихся со злом, охранявших здоровье и благополучие человека.

Известно, что содержание древнего италийского культа Сильвана с течением времени претерпело значительные изменения; во времена империи функции этого божества были весьма разнообразны. Сильван почитался уже не только как божество лесов, но и как защитник границ владений и затем домов, как охранитель скота; постепенно его культ сливается с культом Геракла, Меркурия, Фортуны, Либера, и в этом своем качестве Сильван становится покровителем императорской фамилии и администрации¹. Однако в Дакии Сильван почитался главным образом как *Silvanus Domesticus*, как бог-хранитель домашнего очага и усадьбы². Это обстоятельство и дает возможность объяснить, почему посвящения Сильвану в Дакии сделаны свободными, а не рабами.

Обращения к *Silvano Domestico* происходят главным образом из римских военных центров³, из окрестностей которых вообще дошло много надписей, упоминающих ветеранов. Став землевладельцами, бывшие ветераны — теперь декурионы, эдилы, жрецы — чтили Сильвана прежде всего как покровителя своих владений, отсюда и его эпитет *Domesticus*, с которым он постоянно здесь встречается. В Дакии, где основной хозяйственной единицей была мелкая или средняя вилла, обрабатывавшаяся не столько трудом рабов, сколько трудом свободных, и по большей части находившаяся под присмотром самого хозяина, а не виллика, естественно, посвящения Сильвану Домашнему должны были исходить от свободных⁴. Следовательно, это обстоятельство объясняется условиями социальной жизни в Дакии. В этом своем качестве как хранитель усадьбы и домашнего очага Сильван мог получить признание и в среде местного населения, но, по-видимому, только в его верхних романизированных слоях: насколько мне известно, нет ни одной надписи в честь Сильвана, которую определенно можно было бы связывать с дако-фракийским населением провинции, и только одну надпись можно относить к уроженцам иллирийских областей⁵. Все надписи в честь Сильвана могут быть разделены соответственно дедикантам, приблизительно на две группы. Одну группу надписей составляют посвящения, исходящие от римских граждан, ветеранов, жрецов, магистратов, откущиков пастбищ и солончаков Дакии⁶ другая группа надписей, значительно меньшая, исходит от лица императорской администрации, наместника провинции и командира одного и легионов Дакии⁷. Ни в той, ни в другой группе нет дедикантов, которые можно было бы с уверенностью приписать дако-фракийское происхождение. Сфера признания этого культа ограничивалась главным образом ветеранами, ставшими на дакийской земле владельцами собственных вилл и земельных участков, римскими гражданами, романизированным даками.

¹ A. von Domaszewski, *Abhandlungen...*, стр. 63—66 и 72—74; он же *Die Religion des römischen Heeres*, стр. 53.

² *Silvano Domestico* посвящено более 20 надписей.

³ Из Поролисса (CIL, III, 6248), Потаиссы (CIL, III, 903), Напоки (CIL, I 7661), Ампела (CIL, III, 1306, 7840, 7841) и больше всех из Апула (CIL, III, 1147 1152; 7773—7774).

⁴ Лишь одно посвящение Сильвану, насколько это мне известно, можно связать с рабом, хотя и в этом случае надпись читается двояким образом (CIL, III, 6247 7637); вместе с тем имеются другие обращения к Сильвану (CIL, III, 1306, 12564) которых неграмотное написание имени божества может указывать на то, что эти посвящения принадлежат лицам из низших слоев.

⁵ CIL, III, 7827; *Russu*, *Onomasticon Daciae*, стр. 203, № 63.

⁶ CIL, III, 903, 1141, 1145, 1149, 1150, 1155, 1363.

⁷ CIL, III, 1142, 1153, 1305.

Но если Либер и Сильван были обязаны своим признанием в Дакии причинам этнического и социального характера и вследствие этого можно в какой-то мере говорить о сравнительно глубоком их проникновении и в местные слои населения, то признание Геракла, по всей вероятности, было только официальным. Внимание Северов к культу Геракла¹ имело своим следствием проникновение его культа в среду армии и провинциальных магистратов. Многие посвящения Гераклу сделаны на благо династии Северов (CIL, III, 877, 1340, 12565) и носят, таким образом, официальный характер. Лишь в единственном случае, насколько мне известно, к Гераклу зывают вместе с матерью Землей и Сильваном как к покровителю и подателю благ: Юлий Гайян, в прошлом, видимо, ветеран (надпись происходит из Апула, в окрестностях которого селились ветераны), затем ставший землевладельцем, поскольку из другой надписи известно, что он был декурионом Сармизегетусы (CIL, III, 1060), поставил посвящение Домашнему Сильвану, Матери-Земле, Гераклу за свое здоровье и здоровье своих близких (CIL, III, 1152). Здесь Геракл выступает как покровитель всех домочадцев Юлия Гаяяна, заботящийся о его благополучии и охраняющий его хозяйство.

Таким образом, даже относительно тех из римских богов, которые были наиболее известны в Дакии, нельзя с несомненностью утверждать, что их культы глубоко проникли в среду коренного населения. Еще в большей мере это относится к тем культам, которые и в среде пришлого населения имели лишь ограниченный круг почитателей.

Несмотря на то, что в провинции постоянно происходил процесс нивелирования особенностей покоренных Римом народов, переселенцы из Галатии, Каппадокии, Коммагены, Вифинии, Сирии, дунайских областей продолжали придерживаться своих прежних верований, традиций и обычаев, которых они не утратили за долгие годы господства Рима в этих областях и которые они теперь принесли со своей родины в Дакию. Так, Публий Элий Геймет, уроженец Востока², получивший право римского гражданства в правление Адриана, служивший центурионом в одной из римских когорт (CIL, III, 1472, 12578), а затем ставший дуумвиром Сармизегетусы, поставил там алтарь Асклению и Гигии (CIL, III, 7896). Однако он не забыл и богов своей родины и поставил в их честь отдельное посвящение, в котором они названы отеческими: *Diis Patriis Malagbel et Bebellhamon et Benefal et Manavat* (CIL, III, 7954). Этим богам пальмирского происхождения он соорудил в Сармизегетусе храм на свои личные средства. Аврелий Степан, декурион муниципия Поролисса, был жрецом сирийской богини, которой он и посвятил надпись³.

Нередко божество родины колониста или солдата чтилось в образе одного из римских богов, к имени которого добавлялись специфические эпитеты, указывающие на этническое или локальное происхождение этого божества. В Дакии часты посвящения Юпитеру Долихену, Гелиополитану, Эрусену и т. п., сделанные главным образом солдатами, жрецами и магистратами обычно восточного происхождения, а также вольноотпущен-

¹ Как отеческий бог для Септимия Севера, Геракл вместе с Либером был объявлен им божественным покровителем династии. Во время столетних игр, данных Септимием Севером в 204 г. н. э., имена Вакха-Либеры и Геракла были в первый раз введены в традиционный *сагмен*, исполняемый по этому случаю. В Риме в их честь был воздвигнут храм и отбит специальный выпуск монет с изображением этих двух божеств. Монеты фракийского Филиппополя с изображением Геты также имели изображение Геракла, стоящего на акрополе города. Ср. Е. М. Штаерман, Отражение классовых противоречий III в. н. э. в культе Геракла, ВДИ, 1948, № 2, стр. 69.

² R u s s u, *Onomasticon Daciae*, стр. 227, №№ 46—49.

³ C. Daicoviciu, *Neue Mitteilungen aus Dacien*, «Dacia», VII—VIII, 1938, стр. 325, № 6.

никами императоров. Из надписей известно, что Юпитер Долихен был местным божеством города Долихе в Коммагене; надписи называют его IOM Dolichenus et deus Commacenus (CIL, III, 7835), IOM Commagenorum Aeterno (CIL, III, 7834), Deo Aeterno Commagenorum Duleno (CIL, III, 7832) и т. п. Юпитер Тавиан был божеством города Тавии в Галатии, Юпитер Эрусен — божеством города Эрисы в Карии (CIL, III, 859), Юпитер Гелиополитан — солярным божеством города Гелиополя в Сирии (CIL, III, 1353 и 1354), Юпитер Bussumarius (или Bussurigijs) — местным божеством кельтов. В этих случаях в содержание культа Юпитера вкладывалось представление о разных местных верховных божествах, ассоциировавшихся с верховным божеством римлян.

Таким же образом обстоит дело, по-видимому, со многими посвящениями Гераклу. Так, в Геракле Магузанае, посвящение которому происходит из Напоки (от времени Северов), усматривается божество германского происхождения. Не исчезли и местные племенные богини завоеванных Римом народов; они продолжали быть чтимыми в образе римских богинь. Кай Цереллий Сабин, легат легиона XIII Gemina, и его жена Фуфидия Поллита почтили Юнону Регину Популонию, которая названа отеческой богиней: Iunoni Reginae Populoniae Deae Patriae (CIL, III, 1075)¹. В обращении к Регине Плацидии — Placidiae Reginae (CIL, III, 8029), обет которой исполнили конники какой-то вспомогательной римской части через посредство своих соратников Прокула и Гая, также можно усматривать призыв к какой-то местной богине, ассоциировавшейся у этих солдат с римской Юноной или египетской Исидой. Эти местные боги, переселившиеся теперь в Дакию вместе с колонистами, солдатами или рабами, остались, как правило, богами своей прежней этнической или социальной среды. Наиболее отчетливо это видно на примере восточных культов.

При исследовании восточных культов обычно отмечается, что в Дакию они проникли вместе с солдатами восточных когорт, императорскими чиновниками, а также рабами восточного происхождения. Однако вопрос о том, вышли ли эти культы за рамки этой среды или же их распространение ограничивалось преимущественно ею, окончательно еще не разрешен. Между тем рассмотрение посвящений восточным богам именно с этой точки зрения дает возможность заключить, что при кажущемся обилии сделанных им в Дакии посвящений восточные или синкретические божества имели все же ограниченный круг почитателей. Кроме переселенцев с Востока, к их числу принадлежали еще солдаты главным образом из соединений, набранных или находившихся на Востоке, и некоторые представители провинциальной императорской администрации. Рассмотрение обращений к Юпитеру Долихену, одному из наиболее признанных синкретических божеств империи, дает для такого заключения как раз наибольшие возможности. Так, поставившие алтарь Юпитеру Долихену жрецы этого бога Аврелий Марин, Ада, сын Барсемии, Океан, сын Сократа, происходили с Востока, точно так же, как и другой жрец этого культа Марин Басс². Посвящение IOM Dolichenus сделали купцы Гай Гайан и Прокул Аполлофан, прямо названные в надписи сирийцами³. Большими приверженцами культа

¹ По мнению Г. Виссова, Юнона Популония была признана среди населения Италии, пользовавшегося осекским и сабелльским наречиями.

² P. Merlat, Répertoire des inscriptions et monuments figurés du culte de Jupiter Dolichenus, Rennes, 1951, стр. 30—31, №28=CIL, III, 1301^a = 7834; стр. 32, №29 = CIL, III, 1301^b = 7835.

³ Merlat, ук. соч., стр. 34, № 33=CIL, III, 7915; стр. 30, № 26=CIL, III, 7761; Rusu, Onomasticon Daciae, стр. 224, № 1, 12, 34.

Долихена в Дакии являлись *cohors I* и *cohors II Flavia Commagenorum equitata*¹. Обе когорты находились в провинции: первая — со времени Антонина Пия (157 г.), вторая — со времени Адриана и до времени Филиппа Араба. Эти когорты были набраны из уроженцев Коммагены². Солдаты этих когорт являлись не только ревностными почитателями этого культа (о чем свидетельствует алтарь ЮМ Dolicheno, поставленный в Миции префектом Второй Флавиевой когорты от имени всей когорты), но и его основными распространителями среди солдат других соединений, чему способствовал и сам характер культа Юпитера Долихена, значившегося к III в., так же, как и Юпитер Гелиополитан, в числе *dii militares*. Поэтому посвящения Юпитеру Долихену, происходящие от солдат легиона XIII Gemina³, легиона X Fretensis⁴, от солдат когорт V Gallorum и I Hispanorum⁵, также еще не свидетельствуют о широком распространении этого культа в Дакии. К тому же известное число солдат легиона XIII Gemina имели местом своей родины греческий Восток⁶, а легион X Fretensis постоянно находился на Востоке, сначала будучи размещен в Антиохии, а затем в Иерусалиме⁷. Это последнее посвящение Долихену является для Дакии в известной мере случайным и относится к тому времени, когда одна из vexilliarum этого легиона принимала участие в маркоманнской войне на севере провинции. Посвящение Юпитеру Долихену за здоровье Элия Лициния, прокуратора Daciae Porolissensis (CIL, III, 7659), также отражает лишь верования уроженцев Востока, откуда происходил сам Элий Лициний⁸. К тому же он состоял на императорской службе в правление Северов, когда почитание восточных культов в известной мере насаждалось сверху. К числу такого рода надписей относятся и посвящения Юпитеру Долихену на благо представителей династии Северов, сделанные солдатами дакийских легионов⁹. Таким образом, культ Юпитера Долихена был распространен в Дакии в основном среди уроженцев Востока, представителей провинциальной администрации и солдат. Соответственно и храмы Юпитера Долихена имелись, насколько известно, только в столице провинции¹⁰ и в ее военном центре — Апуле¹¹.

¹ P. Merlat, ук. соч., стр. 32—33, № 31.

² Cohors I Flavia Commagenorum входила в 70 г. н. э. в состав войска Тита в Иудее, как часть вспомогательных войск от царя Коммагены Антиоха — *auxilia regis Antiochi*. После превращения Коммагены в 72 г. в римскую провинцию эта когорта была преобразована в одну из когорт регулярной римской армии — *Goldfinger, Flavius, RE, VI, 1909, стб. 2654—2655; C. Sihorius, Cohors, RE, IV, 1901, стб. 273*.

³ Merlat, ук. соч., стр. 24—25, № 22; стр. 35, № 37 = CIL, III, 1614 = 8044.

⁴ CIL, III, 7645 = Merlat, ук. соч., стр. 23, № 19; стр. 24, № 22; стр. 22, № 17 = CIL, III, 7625.

⁵ Merlat, ук. соч., стр. 36—37, № 39; стр. 38, № 41.

⁶ Солдаты легиона XIII Gemina часто имели своим *cognomen* греческие имена, что указывает, по мнению Риттерлинга (*Legio, RE, XII, 2, стб. 1718*), на происхождение солдат из греческих центров Малой Азии. Альфельди не отвергает этого мнения полностью, но считает, что эти солдаты также могли происходить из греческих городов Балканского полуострова (см. A. Alföldi, *Zu den Schicksalen Siebenbürgens im Altertum, Budapest, 1944, стр. 13*. К сожалению, сама работа осталась мне недоступной; мнение Альфельди известно мне из работы G. Forni, *Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano, Milano—Roma, 1953, стр. 93—94, прим. 7*).

⁷ Merlat, ук. соч., стр. 22, прим. 3; Ritterling, ук. соч., стб. 1671—1674; Forni, ук. соч., стр. 54; 228.

⁸ Merlat, ук. соч., стр. 23—24, № 20; A. Stein, *Die Reichsbeamten von Dacien, Budapest, 1940, стр. 84*.

⁹ CIL, III, 7645 = Merlat, ук. соч., стр. 23, № 19; стр. 24, № 22; стр. 35, № 37 = CIL, III, 1614 = 8044.

¹⁰ CIL, III, 1431; C. Daicovicu, *Fouilles et recherches à Sarmizegetusa, «Dacia», t. I, 1924, стр. 230*.

¹¹ CIL, III, 7760; Oct. Floca, *I culti orientali nella Dacia, «Ephemeris Dacoromana», VI, Roma, 1936, стр. 221*.

Совершенно так же обстоит дело и с такими культами восточного происхождения, как культы Юпитера Турмасгада, Юпитера Тавиана, Юпитера Эрусена, Юпитера Гелиополитана. Так, все четыре посвящения Юпитеру Турмасгаду, происходящие из Дакии, найдены в Миции и Ромуле, где стояли Первая и Вторая Флавиевы когорты Коммагенцев и отряд сирийских лучников¹. Два известных мне посвящения Юпитеру Тавиану сделаны *Galatae consistentes* из Гермисары (CIL, III, 860) и императорским вольноотпущенником Аврианом (CIL, III, 1088), состоявшим на службе в золотых рудниках, где было немало уроженцев Галатии². Уроженцем греческого Востока был и Аврелий Александр, поставивший алтарь Юпитеру Эрусену (CIL, III, 859). Посвящения Юпитеру Гелиополитану сделаны одно—центурионом легиона XIII Gemina (CIL, III, 1354) и другое центурионом легиона IV Flavia, жившим в конце I в. (CIL, III, 1353). Относительно легиона XIII Gemina я уже отмечала, что некоторые из его солдат происходили с греческого Востока. Что же касается легиона IV Flavia, то местом его набора являлась южная Галлия и Верхняя Италия, однако в I в. н. э. этот легион побывал на Востоке³. Единственное посвящение из Дакии Гиероболу, божеству сирийского происхождения, также ассимилировавшемуся с Юпитером, поставлено жрецом этого бога Аврелием Бассином, уроженцем Востока (CIL, III, 1108)⁴. Алтарь финикийскому Баалмаркodu и Юноне соорудил некий ветеран из Потаиссы (CIL, III, 7680), который, несомненно, происходил с Востока. Круг почитателей пальмирского Малагбела также ограничивался уроженцами Пальмиры, солдатами восточного происхождения, служащими императорской администрации и в том числе вольноотпущенниками императора⁵. На это указывают и места находок надписей, и местонахождение храма Малагбела: так же, как и храмы Баалмаркoda, Долихена, Гелиополитана, храм Малагбела находился в столице провинции⁶. Надписи немногочисленны и за исключением одной происходят из Сармизегетусы. Обращение к посвящениям египетским Исиде и Серапису дает примерно, за исключением женщин, тот же круг дедикантов: императорская администрация, солдаты, жрецы, уроженцы Востока. Несколько посвящений Исиде и Серапису сделано солдатами легионов XIII Gemina и V Macedonica, конниками Первой Алы Испанцев⁷, Каем Юлпем Метробрианом, жрецом «бога Асклепия» и дуумвиром Сармизегетусы (CIL, III, 973); понтификом и квинквенналом, римским всадником Марком Коминием Квинтом, соорудившим на свои средства храм Исиды (CIL, III, 7907); «отцом» (pater) и квестором коллегии почитателей Исиды (CIL, III, 882). Часть посвящений Исиде исходит от лиц, носивших явно египетские или вообще восточные имена: например, *Sarapio*—CIL, III, 1003; *Serapio*—CIL, III, 1605; Юлий Арфократ—CIL, III, 6254⁸.

Наконец, и в отношении признания культа Митры, широко известного в дунайских провинциях империи, можно, как мне кажется, сделать некоторые ограничения. Хотя из Дакии и происходит большое число алтарей и вотивных табличек, связанных с Митрой⁹, находки их, однако,

¹ D. Tudor, *Monuments de pierre de la collection César Bolliac au musée national des Antiquités de Bucaresti*, «Dacia», тт. IX—X, 1945, стр. 412—414; он же, *Jupiter Turmasgadis à Romula*, «Dacia», тт. XI—XII, 1948, стр. 271—272.

² C. Daicoviciu, *Neue Mitteilungen aus Dacien*, стр. 302—303.

³ Ritterling, *Legio, RE*, стр. 1540—1546; Fornî, ук. соч., стр. 222—223.

⁴ Russu, *Onomasticon Daciae*, стр. 224, № 11.

⁵ CIL, III, 7954, 12580; *Rev. arch.*, 1912, № 303.

⁶ C. Daicoviciu, *Fouilles et recherches à Sarmizegetusa*, стр. 228 сл.

⁷ CIL, III, 881, 1342, 7769, 7770, 8029.

⁸ Russu, *Onomasticon Daciae*, стр. 224, № 4; стр. 226, № 33.

⁹ По данным Джонса (L. W. Jones, *The cults of Dacia, California*, 1929, стр. 287), число посвящений Митре составляет 73. Хотя эта цифра, несомненно, устарела и нуждается в дополнении, она тем не менее достаточно выразительна.

концентрируются в Апуле, Потаиссе и Сармизеетусе, т. е. в столице провинции и ее военных центрах¹. Следовательно, культ Митры был распространен главным образом в той же среде, что и другие восточные культы, т. е. среди солдат и представителей римской администрации. Признание восточных и синкретических культов в среде императорской администрации имело своей причиной распространение во II и III вв. н. э. этих культов в центре империи и объясняется в значительной степени тем покровительством, которое оказывали им Антонины и Северы. Надписи, отмечающие это явление для Дакии, как раз приходится на это время. Так, императорский прокуратор Цесидий Респект, как то можно судить на основании его *agnomen*, происходивший из Африки, вместе со своей женой поставил алтарь *Invicto Deo Serapidi*², консульский наместник трех Дакий в правление Марка Аврелия³ Луций Эмилий Кар почтил Сераписа, Исиду, Луну, Солнце, Юпитера и Диану совместно с некими *diis deabusque conservatoribus* (CIL, III, 7771); на благо уже упомянутого Элия Лициния, прокуратора Северной Дакии (*Daciae Porolissensis*) в правление Септимия Севера, поставлен алтарь Юпитеру Долихену (CIL, III, 7659). Пальмирского Малагбела почтил писец Тит Флавий Аур⁴.

Таким образом, эти надписи, конечно, не могут являться свидетельством глубокого проникновения восточных культов в широкие слои населения провинции, тем более местного, если даже и в отношении пришлого населения можно считать, что признание их ограничивалось узкой средой солдат и провинциальных магистратов и часто носило, по-видимому, официальный характер. Вместе с тем рассмотрение дакийских посвящений восточным божествам лишний раз показывает, насколько живучи были старые верования у народов, покоренных Римом. Это видно и по немногочисленным посвящениям, сделанным дакийскими рабами и вольноотпущенниками, которые здесь были обычно иноземцами по происхождению. Они чтят либо своих отеческих богов, либо, в силу обстоятельств, отдают дань официальным римским культам. Несомненно, своих отеческих богов почтил императорский вольноотпущенник Примитив (табулярий *Daciae Apulensis* — CIL, III, 7955), который сделал посвящение богу Малагбелу на благо императора Севера Александра. Юпитера Тавиана почтил вместе с некими *diis deabusque* упомянутый выше императорский вольноотпущенник Авиан; алтарь *IOM Soli Bussurigio* поставил уроженец Востока, возможно Галатии, вольноотпущенник Публий Элий Децембр⁵. Императорский вольноотпущенник Карпион, табулярий *Daciae Apulensis*, сделал посвящение Асклепию и Гигии за свое здоровье и здоровье своих близких (CIL, III, 980); он же почтил и Митру (CIL, III, 7939). Митре за благополучие и здоровье своих господ поставил алтарь вольноотпущенник Евтихий (CIL, III, 1109—1110). Рабы, занятые на таможне (*vernae vilici*), поставили алтарь Исиде на благо некоего Марка Юлия Вера (CIL, III, 7837). Императорский раб (*verna*), помощник табулярия, сделал вследствие обета посвящение карфагенской богине Целесте (*Deo Caelesti Sacrum*)⁶.

¹ F. Cumont, *Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra*. Bruxelles, t. I, 1899, стр. 251; он же, *Die Mysterien des Mithra*, Lpz, 1923, стр. 41; Daicovicu, *Fouilles...*, стр. 228.

² C. Daicovicu, *Contribuții la syncretismul religios in Sarmizegetusa*, AISC, 1933, т. I, стр. 86.

³ A. Stein, *Die Reichsbeamten von Dacien*, стр. 46.

⁴ CIL, III, 12580; *Rev. arch.*, 1912, № 303.

⁵ Daicovicu, *Neue Mitteilungen aus Dacien*, стр. 306—307, № 7.

⁶ Daicovicu, *Contribuții la syncretismul religios in Sarmizegetusa*, стр. 87.

Официальным римским культам посвящены надписи: вольноотпущенника «бога Асклепия» Септимия Асклепия Гермеса, ставшего декурционом и августалом колонии Апула, который исполнил обет Юпитеру Всеблагому Величайшему, Юноне, Минерве и Асклепию (CIL, III, 1079); императорский раб, работавший в таможенной станции Pons Augusti, Феликс поставил алтарь Фортуне Августе и сделал посвящение Юпитеру Всеблагому Величайшему, Земле Дакии, гению Римского народа и торговли (CIL, III, 1351—7853). Эти надписи, разумеется, не дают оснований для суждения о духовной жизни рабов, так как и слишком малочисленны и совершенно определено принадлежат только крайне узкому кругу исключительно привилегированных представителей этого класса, несомненно, от него оторвавшихся. Они, конечно, ни в какой мере не могут свидетельствовать о романизации местного населения Дакии.

Но если в отношении колонистов, солдат и вольноотпущенников можно считать, что одновременно с принятием римской религии они продолжали придерживаться и своих прежних старых культов, сохранив под римским господством верования в богов своей родины, то еще в большей мере это положение могло иметь место среди местных, дако-фракийских слоев населения. Это тем более вероятно, что из всех покоренных Римом народов даки позднее всех вступили в сферу римского мира и меньше всех из них находились под его господством.

К сожалению, отсутствуют свидетельства, непосредственно отражающие жизнь местного сельского населения провинции. Памятники, связываемые с дако-фракийским населением, принадлежат той части даков, которая служила римлянам и находилась с ними в тесном контакте. Однако некоторые возможности для выяснения вопроса о степени романизации именно сельских слоев дает рассмотрение данных, связанных с даками, ставшими солдатами римской армии.

Как это отмечали уже румынские историки, даки не были уничтожены в результате Траяновых войн. В надписях, найденных как на территории Дакии, так и за ее пределами, содержится немало дако-фракийских имен. Нон Руссу, исследовавший ономастику Дакии, называет 67 дако-фракийских имен, упоминающихся в надписях только из самой Дакии¹. Кроме того, даками по происхождению могли быть и многие из Ульиив, Элиив и Аврелиив, которые встречаются в надписях, происходящих из Дакии². Однако отсутствие в большей части этих надписей *cognomen* 'ов не дает возможности выделить надписи, относящиеся к дакам. Поэтому неизбежно приходится ограничиваться теми данными, которые могут быть установлены из надписей, содержащих несомненно дакийские имена. При этом опять-таки приходится учитывать, что надписи ставили главным образом сравнительно привилегированные представители даков, которые, конечно, сильнее подвергались влиянию римской идеологии, нежели широкие массы местного населения. Вполне естественно, что даки, служившие в римских войсках, чтити римских богов, к чему их обязывало и их служебное положение. Так, дак Эптидий Модест, центурион легиона V Macedonica, вместе с центурионом легиона I Italica был уполномочен своими товарищами проследить за исполнением посвящения Нептуну, сделанного по обету вексиляциями этих легионов (CIL, III, 14433). Многочисленные посвящения Юпитеру сделаны были солдатами когорты

¹ R u s s u, *Onomasticon Daciae*, стр. 209—215.

² R u s s u, ук. соч., стр. 195. Ульиив в надписях из Дакии встречаются в 95 случаях; Элиив — в 240; Аврелиив — в 280 случаях.

I Aelia Dacorum, находившейся в Британнии¹. Солдат легиона XIII Gemina Марк Ульпий Муциан поставил посвящение Юпитеру и Диане Регине за здоровье Каракаллы и Юлии Домны, соорудив на свои средства храм для лагерных часов². Менее официальный характер носят только несколько посвящений, сделанных даками, служившими в войсках, римским богам: солдат легиона I Italica Аврелий Дребий поставил алтарь Юпитеру Всеблагому Величайшему³, а ветеран Фронтониановой Алы, Сола, сын Мукатры, сделал по обету посвящение Аполлону⁴.

Вполне естественно также, что римских богов чтили даки, занимавшие административные посты. Авгур колонии Эска, дак или фракиец Марк Дисий исполнил обет Юпитеру⁵. Декурион коллегии *fabrum*, дак или фракиец Флавий Цордесиос [...] совместно с декурионом этой же коллегии Аврелием Валентом сделал вследствие обета такое же посвящение⁶. Имеются отдельные примеры посвящений римским богам и со стороны даков, не состоявших на римской службе. Житель Дакии Публий Элий Муциан сообщает, что также исполнил обет Юпитеру⁷. Дакиянка или фракиянка Юлия Бесса, вместе со своим мужем Корнелием Корнелианом, *defensor lecticariorum*, сделала вследствие обета посвящение богине Немезиде Царице⁸. Коренной житель Дакии, некто Элий Местрий сообщает, что он исполнил обет, по-видимому, Митре, поскольку алтарь с этим посвящением был найден в Агуле при раскопках митреума⁹.

Однако, как ни специфичен имеющийся материал, в нем все же можно найти черты сохранения даками прежних верований. Так, установлено, что верховное божество гето-фракийских племен Залмоксис почиталось теперь в образе греческого Диониса или римского Либеры¹⁰. Культ Залмоксиса для дако-гетских племен является очень древним, он восходит к IV периоду бронзового века карпато-дунайских стран — X—VII вв. до н. э.; на всем последующем протяжении их истории вплоть до римского периода Залмоксис оставался верховным божеством солнца, отправление культа которого происходило в специальных храмах, располагавшихся на высотах¹¹. Участие в *collegium Asianorum* лиц дако-фракийского происхождения может указывать не только на то, что культ Диониса-Либеры в какой-то мере был воспринят местным населением Дакии; этот факт дает также основание предполагать, что местные уроженцы Дакии могли воспринимать культ Диониса и как почитание какого-то стародавнего их божества, возможно, Залмоксиса¹². Залмоксис почитался также среди дако-гетского населения дунайских областей в образе римского Юпитера. По мнению В. Пырвана, в посвящении из Нича в Верхней Мезии от 223 г. н. э. *Iovi Optimo Maximo Aefilopio* следует усматривать посвящение Залмоксису¹³. Древнее божество даков — дух

¹ A. Dobò, *Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes*, Budapest, t. I, 1940, стр. 110—111, №№ 105—124.

² CIL, III, 1070; R u s s u, ук. соч., стр. 213, № 48.

³ CIL, III, 889; 13768; R u s s u, ук. соч., стр. 211, № 22.

⁴ CIL, III, 787; R u s s u, ук. соч., стр. 213, № 40.

⁵ CIL, III, 8043 (=1624^a); R u s s u, ук. соч., стр. 211, № 17.

⁶ CIL, III, 7910; R u s s u, ук. соч., стр. 215, № 65.

⁷ CIL, III, 7614; R u s s u, ук. соч., стр. 213, № 44.

⁸ CIL, III, 1436; R u s s u, ук. соч., стр. 210, № 6.

⁹ Daicoviciu, *Neue Mitteilungen aus Dacien*, стр. 308.

¹⁰ V. Pârvan, *Getica...*, стр. 454—459.

¹¹ V. Pârvan, *Getica...*, стр. 801—802; C. Daicoviciu, *Cetatea Dacia de la Piatra Roşie, Bucureşti*, 1954, стр. 117—119.

¹² G. Kazarow, *Zalmoxis*, «Klio», XII, 1912, стр. 359; V. Pârvan, *Une nouvelle inscription de Tomi, «Dacia»*, t. I, 1924, стр. 276—278; Daicoviciu, *Siebenbürgen im Altertum, Bucurest*, 1943, стр. 149, прим. 1.

¹³ V. Pârvan, *Dacia*, стр. 162—163.

зла, которого они изображали в виде дракона, также, по-видимому, продолжал и в римский период играть роль прежнего демонического божества в верованиях даков. Являясь, по мнению Пырвана, символическим изображением киммеро-гетского угрожающего чудовища, дакийский дракон, как известно, в качестве военного значка даков использовался ими на своих военных штандартах. Колонна Траяна дает неоднократно изображение дракона на стенах крепости даков, их знаменах и различных трофеях, захваченных Римом¹. Этот дух зла, восходящий к отдаленному периоду верований и представлений дако-гетских племен, не был забыт местным сельским населением Дакии ради новой религии. Коллекция музея античных древностей в Вршатуе содержит бронзовое изображение извивающегося дракона длиной 1 м 45 см с раскрытым ртом и оскаленными зубами. По технике изготовления памятник относится к римскому времени². Культ «фракийского всадника», распространенный в римской Дакии, дает основание полагать, что продолжал существовать и такой старый культ даков, как «культ солнца, утренней и вечерней зари», поскольку известно, что служителей этого последнего, обожествленных после их смерти, фракийцы почитали в образе всадников³. Наиболее распространен был культ «фракийского всадника» во Фракии (отсюда и его название), затем в Мезии и, менее, в Дакии. Происходящий из Суцидавы рельеф показывает, что некто Луций Аврелий почтил этот культ. Рельеф содержит обычное изображение «фракийского всадника» с надписью сверху рельефа ERONY и внизу — L. Aurel(ius) — (AEр., 1939, № 105). На основании помен'а Аврелий и по написанию Eron, свидетельствующему о плохом знании дедикантом латинского и греческого языков, можно думать, что он был даком.

Влиянием племенных верований даков отмечен чрезвычайно распространенный в провинции, так же, как и в других областях Среднего Дуная, культ «дунайского всадника»⁴. Рельефы с изображением «дунайского всадника» были найдены в городах Дакии, главным образом в местах стоянок легионов и в столице. В Ануле и Потаиссе было найдено по пяти табличек, четыре таблички были открыты в Ромуле, одна в Дробете и одна в Суцидаве⁵. Три таблички с изображением «дунайского всадника» были найдены в Сармизгетусе⁶. Этот культ имел синкретический характер и отмечен влиянием различных культов: Великой Матери Богов, Диоскуров, Кабиров, «фракийского всадника». Так же, как и «фракийский», «дунайский всадник» изображался верхом на коне, под копытами которого помещалась фигура поверженного человека⁷. Это сходство «дунайского всадника»

¹ C. S t e h o r i u s, Die Reliefs des Traianssäule, B., 1896—1900, тбл. XXXI, 74—75; XL, 144; XLV, 159; XLVIII, 170; LV, 198 и др.

² F. M i l l e k e r, Denkmäler des Glaubenslebens im römischen Banat, Wischätz, 1937, стр. 3—4.

³ B. K a z a g o w, Heros, RE, VIII, 1913, стб. 1111—1115; И. Т. К р у г л и к о в а, Дакия в эпоху римской оккупации, стр. 147.

⁴ D. T u d o r, I cavaleri danubiani, «Ephemeris Dacoromana», VII, 1937, стр. 198—200. В Паннонии было найдено 48 табличек с изображением «дунайского всадника»; в Дакии — 32; в обеих Мезиях — 22; во Фракии — 2 таблички; в Далмации — 3, и одно изображение в Норике. Шесть табличек было найдено в Италии; одно изображение происходит из Британии.

⁵ D. T u d o r, «Ephemeris Dacoromana», VII, стр. 296, 300, 303, 305; т. VIII, стр. 445.

⁶ Там же, VIII (1938), стр. 448.

⁷ О характере изображений «дунайского всадника» дает представление рельеф, найденный на севере Болгарии в 30-х годах XX в. Этот рельеф (G. K a z a g o w, Ein neues Denkmal zum Kult der donauländischen Reiter, AAWW, 1940, № I—V, Wien, стр. 26—27) содержал изображение двух всадников, располагавшихся друг против друга, и находившейся между ними женщины. Всадники, как один, так и другой, одеты в хитон, развевающийся плащ и с фригийской шапочкой на го-

с «фракийским», а также и то, что в удвоении фигур всадника (самые ранние рельефы содержат изображение одного всадника) сказалось влияние легенды о Диоскурах, культ которых, как известно, процветал в греческих городах Западного Понта, дает основание Кацарову выводить этот культ из Мезии. Румынские же историки обращают внимание на то, что почти все найденные изображения «дунайского всадника» происходят из провинций, располагавшихся на Среднем Дунае, в то время как изображения «фракийского всадника» — из южнодунайских областей. К тому же «дунайский всадник» часто изображался со знаменем в руках в виде извивающегося дракона, что также, по их мнению, указывает на дакийское происхождение этого культа¹. Но если вопрос о происхождении культа «дунайского всадника» спорен, то влияние на него местных верований даков и фракийцев, а следовательно, и сохранение этих верований в римский период несомненно, поскольку самые ранние изображения «дунайского всадника» восходят к концу I в. н. э. — первой половине II в., а самые поздние относятся к III в. Следовательно, формирование этого культа в дунайских областях, и в Дакии в частности, происходило в римский период их истории. Это значит, что в течение всего этого периода продолжали удерживаться прежние верования даков.

Наконец, более всего о существовании старых богов даков в римский период свидетельствует обращение к богам и богиням Дакии и ее земле: *diis deabus Daciae et Terrae* (CIL, III, 996). Прежние верования оказывали активное воздействие на формирование синкретических культов, как о том свидетельствует пример с «дунайским всадником». В какой-то мере они нашли признание и среди пришлого населения, и, как показывает содержание надписей и места их находок, по-видимому, главным образом в военной среде. Солдаты, находясь в стране, враждебно к ним настроенной, будучи к тому же в массе своей суеверны и невежественны, естественно, старались заручиться расположением местных богов. Упомянутое обращение к богам и богиням Дакии, а также посвящения, сделанные Юпитеру вместе с другими богами, выступающими обычно безликими, как *diis ceteris, diis immortalibus, diis deabus omnibus immortalibus*, преследовали, возможно, именно эту цель. Большинство таких обращений происходит из военных центров Дакии. Так, трибун XIII Gemina Кай Аврелий Сигийл сделал посвящение *IOM ceteris diis deabusque immortalibus et Daciae* за здоровье императора Каракаллы (CIL, III, 1063). Префект легиона V Macedonica исполнил обет *IOM et diis deabusque et Genio loci* (CIL, III, 892). Консульский бенефициарий легиона XIII Gemina Валерий Вибий Валериан исполнил обет *IOM et diis deabus omnibus* (CIL, III, 823). Трое солдат, как то можно заключить из того, что один из посвятивших назван *ex optione*, сообщают, что они охотно исполнили обет *IOM ceterisque diis* (CIL, III, 7632). Командир легиона XIII Gemina (по-видимому, во время первых Гордианов) сделал посвящение Луне, Августе, Асклепию, Августу, гению Карфагена и гению Дакии (CIL, III, 993). Кальпурний Юлиан, светлейший муж, легат легиона V Macedonica, почтил Геракла, гения места и какие-то Каллидовы источники (CIL, III, 1566). Колонисты и ветераны, ставшие на дакийской земле торговцами

лове. Правой рукой они держат знамена в виде извивающегося дракона. Сзади правого всадника парит Победа, держащая в поднятой руке венки над головой всадника. Под копытами их лошадей лежат, простершись на животе, человеческие фигуры. Между головами всадников виднеется звезда с семью лучами, по-видимому, какой-то солнечный символ. Женская фигура обращена лицом к зрителю, одета в длинную одежду и держит под уздцы лошадей обоих всадников. Нижний ряд рельефа содержит несколько различных изображений: здесь и лев, и стол, на котором лежит большая рыба, колонны или факелы, бык, сосна, меч, кантар, змея и т. п.

¹ T u d o r, I cavaleri danubiani, стр. 235, 238.

или землевладельцами, также призывают к себе благоволение ее богов. Свидетельство этому можно усматривать в обращениях к гению места или к гению Дакии¹. Так, Кай Семпроний Урбан, императорский прокуратор, соорудил мраморный алтарь *Fortunae Daciae*². Тиберий Аврелий Приман поставил алтарь гению пага Миции (CIL, III, 1405=7847). Квинт Аппиан Матерн поставил посвящение *Genio loci et Fortunae Mag-nae* за себя и за Марка Ветия Беллатора (CIL, III, 1018). Уже упомянутый Тиберий Юлий Гайян, декурion колонии Сармизегетусы, сообщает, что он поставил посвящение *IOM ceterisque diis deabus immortalibus* (CIL, III, 1060).

Этот материал, дающий возможность предполагать влияние местной культуры на пришельцев, свидетельствует вместе с тем о силе местных традиций, носителями которых были, несомненно, сельские круги местного населения Дакии. Исследуя происхождение христианства, Энгельс отмечал, что степень интенсивности проникновения и распространения религии римского мира в завоеванных Римом областях зависела от того, в какой мере в этих областях существовали или сохранялись слои местного крестьянского населения. Энгельс указывал, что класс крестьян — свободных землевладельцев менее всего был затронут общественным переворотом (т.е. установленными римлянами новыми социальными и общественными порядками. — Ю. К.) и дольше всего сопротивлялся религиозному перевороту, под которым Энгельс имел в виду замену прежнего племенного пантеона побежденных Римом народов религией римского мира. Так, Энгельс писал: «Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрела на гибель и их особые религии». И далее: «... Коль скоро национальные божества не могут уже более защищать независимость и самостоятельность своей нации, они и сами гибнут. Так бывало везде (за исключением крестьян, особенно в горах)»³. Оба эти обстоятельства имели место в Дакии: лучшие земли в долинах ее рек были розданы прибывшим сюда колонистам; естественно, что местное население, во всяком случае крестьянское, теперь еще в большей мере должно было расселиться в горных районах Дакии. Здесь, географически отгородившись от римского мира, дакийское крестьянство могло хранить предания о былой свободе своей родины, удерживая верования в своих племенных богов, сохраняя свой язык и нравы. Эти местные верования или отголоски их проникали отсюда и в среду дунайского войска, уже со времени Адриана и на всем протяжении III в. вербовавшегося главным образом из уроженцев дунайских областей⁴.

¹ Е. М. Штаерман, Этнический и социальный состав римского войска на Дунае, ВДИ, 1946, № 3, стр. 264.

² *Dacovicium, Contribuții la syncretismul religios in Sarmizegetusa*, стр. 86.

³ Ф. Энгельс, О происхождении христианства, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XV, 607—608.

⁴ *Forni, Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano*, стр. 187 слл., на основании анализа данных о происхождении легионеров установил, что для периода с правления Адриана и до конца III в. из Италии происходило 17 легионеров, в то время как из провинций — 1866 человек, преимущественно из дунайских областей и из Африки. Так, из обеих Панноний надписи называют 89 человек; из обеих Мезий — 148 человек; из Фракии — 99 человек; из Дакии — 50 человек и из Африки — 370 человек. Между тем, если взять более ранние периоды, то для времени Августа — Тиберия — Калигулы (стр. 159—168) из Италии происходило 207 человек, а из провинций только 128. Затем происходит дальнейшее уменьшение числа италиков и соответственное возрастание числа провинциалов, так что в III в. лишь единичные италики служат в легионах. Так, для времени Клавдия — Нерона (стр. 169—176) италиков было 117 человек; для Флавиев — Траяна (стр. 177—186) только 73; число же провинциалов в первом случае — 123 и во втором — 268 человек.

Преимущественный набор в легионы во II и III вв. из дунайских областей а также из Африки указывает одновременно на многочисленность селского крестьянского населения в этих провинциях. Многочисленность этих последних можно усматривать и в источниках IV века. *Expositio totius mundi et gentium* называет в числе провинций, торговавших рабами в IV в., Паннонию и Мавретанию¹, а это показывает, что в этих областях еще в IV в. имелись значительные крестьянские слои, которые, однако разорялись и превращались в рабов. В III в. они еще были достаточно устойчивы в смысле своего экономического положения, так как именно из этих областей, как это доказал Г. Форни, вербовались легионы II в Дакии сельские слои местного населения едва ли были менее многочисленны. На это указывает формирование в III в. соединения римской армии, набранных из даков², и то обстоятельство, что Суцидава так и не получила городского устройства³. В то же время эти местные сельские слои были, видимо, столь поверхностно знакомы с римской культурой и религией, что, с точки зрения римлян, они продолжали считаться варварами еще и в IV в. н. э. Аврелий Виктор называет иллирийцев (а в Иллирик, как известно, входили Реция, Норик, обе Паннонии и Мезии, Далмация и Дакия) *militares et paenebarbari* «воинственными и полуварварами» (*Liber de Caes.*, 37,7), а это говорит о том, что местное население иллирийских областей не утратило свои этнические особенности и сохраняло свой прежний язык, свою племенную религию, свои традиции и обычаи. Можно думать, что местные сельские слои римской Дакии не очень отличались в этом отношении от крестьян соседней Паннонии или какой-либо другой из иллирийских областей. Сообщение Арриана (*Tactica*, XLIV), что римские солдаты, кельты и геты по происхождению, произносят военные призывы на своем родном языке, дает основание полагать, что в родной среде дакийского крестьянина до того, как он стал солдатом римской армии, его родной язык был, несомненно, еще в большом употреблении. По-видимому, именно в этой крестьянской среде не исчезли еще такие дакийские личные имена, как Децебал, Биребиста, Котизон, Диурпаней, которые у свободных даков продолжали бытовать еще и в IV в. н. э.⁴

Отдельные слои этих даков были столь мало романизированы даже в III в., что не получили прав римского гражданства и по эдикту Кара-

¹ A. Riese, *Geographi Latini Minores*, Heilbronn, 1878 (русский перевод С. В. Подяковой и И. В. Феленковской, ВВ, VIII (1956), стр. 286). *Deinde Pannonia regio, terra dives in omnibus, fructibus quoque et iumentis et negotiis, ex parte et mancipiis*: «затем область Паннония, земля, богатая во всех отношениях, плодами и в отношении вьючного скота и в отношении торговли, а также и в отношении рабов». На сохранение значительных слоев крестьянского населения в Паннонии в IV в. обратила внимание Е. М. Штаерман, *Рабство в III—IV веках в Западных провинциях римской империи*, ВДИ, 1951, № 2, стр. 104—105.

² Северами было образовано три когорты из дакийских племен: *cohors I (?)* и *II Augusta nova Saeorum* из племени саков, обитавшего в окрестностях Суцидавы, и *cohors VI nova Cumidavensium* из дакийского племени, также обитавшего на востоке Дакии в районе Кумидавы. Одна когорта из даков была набрана также Гордианом III — *cohors Gemina Dacorum Gordiana equitata*. М. Масгра, *Cumidava*, AISC, IV, стр. 243—245, 255; *Dacovicium, Siebenbürgen im Altertum*, стр. 109—110, прим. 1.

³ Из Дакии происходит надпись, датируемая В. Пырваном («*Archaeologischer Anzeiger*», т. 28, 1913, стр. 386) кошкой II в. — не позднее середины III в.; эта надпись отмечает существование *territorium Sucidavense*, управляемой куриалами, аналогично *loci princeps quinquennialis territorii Capidavensis*, CIL, III, 12491. Если Суцидава не получила городского устройства, то, видимо, именно в силу того, что в ее округе сосредоточивалось местное население Дакии, например, племя саков, из которого и были набраны две указанные когорты.

⁴ Имена Децебал и Биребиста встречаются в надписях из Мезии, Далмации, Италии (в Риме), Галлии и Британии. Dobó, *IEFPD.*, стр. 131, №№ 231—236а.

каллы. Основание так полагать дает военный диплом из Дакии от времени Севера Александра, от 7 января 230 г., сообщающий, что Марку Аврелию Дециану, сыну Дециана, происходившему из колонии Мальвы в Дакии (*colonia Malvese ex Dacia*) и прослужившему 25 лет в гвардейских кавалерийских частях (*equites singulares*), Севером Александром было пожаловано право римского гражданства (CIL, XVI, 144). По-видимому, часть даков по-прежнему получала его за службу в римских войсках, если и после издания эдикта в каждом отдельном случае, как, например, в нашем, предоставление права римского гражданства отмечается как дарование особой милости императора.

Поступив в римскую армию, эти даки, уроженцы сельских областей, приносили с собой свои верования и представления, свои нравы, привычки, традиции и нередко продолжали их придерживаться, находясь и на римской службе. Так, эпитафия дака, солдата *cohors I Aelia Dacorum*, из Британии от III в. (CIL, VII, 823), содержит изображение кривого дакийского меча, с которым даки сражались еще с войсками Траяна и который по своей форме восходит к кривому дакийскому ножу времени латенской культуры¹. Распространение культа «дунайского всадника» преимущественно среди солдат также указывает на ту среду, где сохранились старые верования даков, на их упорную живучесть и на то значение, которое придавалось солдатами своим древним верованиям. Та непосредственная связь, которая существовала между даком, ставшим солдатом римской армии, и его сельскими родственниками, не всегда порывалась с его поступлением в легион, часто она поддерживала и питала эти традиции. Дак Аврелий Викторин (*natione Dacus, domum coloni Zermiegetesi*), взятый на военную службу при Септимиусе Севере в гвардейские кавалерийские части в Рим и затем умерший там, не был забыт своими сельскими родственниками из далекой Дакии. Его дед Аврелий Лонгин, который и называет себя *paganus*, видимо, «селянин», и его бабка позаботились поставить в Риме надгробие своему *pietissimo nepoti*, как сказано в эпитафии². Хотя дед и бабка умершего и обращаются к римским Манам, вряд ли они принадлежали к романизированным слоям даков. Это можно заключить на основании *nomen*'а самого Аврелия Викторина и его деда Аврелия Лонгина, которые римское гражданство получили, по всей вероятности, лишь по эдикту Каракаллы (бабка имела, видимо, варварское имя *Mu* [...]), которое в надписи не читается), и написания слов «*domum coloni Zermiegetesi*».

Живучесть прежних традиций, обычаев и представлений даков можно усматривать и в том, что, становясь солдатами римской армии или магистратами римских городов, получая римское гражданство, даки не отказываются от своих прежних «варварских» имен и сохраняют их в качестве *cognomen*'а. Кроме упомянутых выше дака Элия Бакия, являвшегося солдатом легиона XIII *Gemina*, Марка Ульпия Муциана, солдата того же легиона, декуриона и эдила колонии Напоки Публия Элия Дециана, магистра коллегии *fabrum* Флавия Цордеснос [...], надписи называют также многочисленных Аврелиев, имевших *cognomen* дако-фракийского происхождения: Аврелий Аулуцент, Аврелий Денци, Аврелий Дитуцент, Аврелий Доленс, Аврелий Дребий, Аврелий Дуда, Аврелий Муциан, Аврелий Тцолот³. Неизменно отмечают свое дакийское происхождение даки, находящиеся вне провинции. В поставленных им

¹ Pâr van, *Getica...*, стр. 779—783.

² D o b ò, IEFPD., стр. 200, № 33; D e s s a u, ILS, 2204.

³ R u s s u, *Onomasticon Daciae*, стр. 209, № 2; стр. 210, № 14; стр. 211, №№ 18, 20, 22, 23; стр. 212, № 24; стр. 213, №№ 45, 46; стр. 215, № 64.

эпитафиях постоянно встречается *dacus, natione Dacus, domo Dacus, natus in provincia Dacia, cives Dacus*¹. Этими даками являются солдаты преторианских когорт Рима или гвардейских кавалерийских частей, моряки Мизенского флота, солдаты легиона III Augusta в Африке². В большинстве случаев эти солдаты имеют помен Аврелиев.

Наконец, керамика из Дакии, обнаруживающая сильное влияние прежних культурных традиций даков, которая скорее всего принадлежала дакийским крестьянам, еще более убеждает в том, что именно эти слои даков бережно хранили нравы и обычаи предков. Эта провинциальная керамика, воспроизводившая формы старой посуды даков, украшенная мотивами дакийского орнамента, порой восходящего к латенскому и более раннему периодам истории Дакии, нередко была сделана без гончарного круга. В этом случае можно считать, что такая посуда изготовлялась на месте для пользования собственной семьей крестьянина. Находки керамики с дакийским орнаментом повсеместны, однако более всего отмечены на востоке и севере провинции³, где сосредоточивалось преимущественно местное население Дакии. После оставления провинции римлянами этот местный стиль керамики испытал подъем⁴, что еще раз указывает на то, что именно дакийские крестьяне являлись хранителями прежних традиций и форм своей культуры. Именно они не покинули вслед за римскими войсками и провинциальной администрацией своей родины. Раскопки Сармизегетусы свидетельствуют, что после эвакуации Дакии ее здания находились в пользовании беднейших слоев населения, а дакийские чашки и миски, сделанные вручную, встречаются там вплоть до IV в. н. э.⁵

Новые общественные отношения, складывавшиеся в римской Дакии, так же, как и весь принесенный римлянами уклад жизни вообще, конечно, с течением времени подрывали основу сопротивления романизации. Поступив в качестве солдат в римскую армию, даки постепенно расставались со своими старыми именами, однако, сохраняя их часто в качестве *сoрпомен*'а, расставались со своими старыми племенными богами, традициями прежней культуры и, воспринимая в какой-то мере римские формы общественной, социальной и духовной жизни, сотрудничали с римлянами. И надписи, хотя и на ограниченном материале, показывают, как проходил этот процесс.

Прервав процесс свободного самостоятельного развития дакийской народности, римляне превратили Дакию в провинцию на той ступени ее социально-экономического развития, когда у дако-гетских племен происходило образование государства, складывалась своя материальная и духовная культура. Все это питалось традициями сильной Дакии времени Виребисты — Децебала. Естественно, что в силу этих обстоятельств римское влияние не могло не встретить противодействия среди покоренного населения. Это противодействие время от времени могло получать новую силу, когда в провинции происходило поселение племен, этнически родственных дакам, вследствие чего возникали своего рода очаги варварского влияния. Так, после событий маркоманнской войны в дунайских провинциях, в том числе в Дакии, были поселены побежденные Римом

¹ R u s s u, *Onomasticon Daciae*, стр. 219, № 4; стр. 220, №№ 16, 19, 20; стр. 221, №№ 24, 26 — 29; стр. 222, №№ 30, 31, 34.

² D o b o, *IEFPD*, стр. 97, №№ 1—6; стр. 99—100, №№ 19—34; стр. 101, №№ 36—43; стр. 102, № 46; стр. 104—106, №№ 54—77.

³ «Dacia», т. I, стр. 336; тт. V—VI, стр. 420; SCIV, т. II, 1951, стр. 280; *Dolgozatok-Travaux*, т. II (1911), стр. 26, 43.

⁴ D a i c o v i c i u, *Siebenbürgen ...*, стр. 225 слл.

⁵ D a i c o v i c i u, *Cetatea Dacica...*, стр. 138.

племена (Cass. Dio, LXXI, 11). При Коммодe наместник Дакии Сабиниан также поселил в пределах провинции 12 000 бурров, обитавших в долине р. Олт (Cass. Dio, LXXIII, 3, 3) и принадлежавших к одному из племен «свободных даков». В местах, отдаленных от римских крепостей, дольше могла удерживаться прежняя материальная и духовная культура даков, их верования и язык. В северных и восточных районах провинции, где почти отсутствовали римские города и единственными пунктами являлись лагеря и крепости, влияние римлян было слабым, в то время как слой местного населения Дакии значительным. Этот мощный слой местного крестьянского населения явился той силой, которая лишила римлян возможности вслед за разрушением прежнего политического порядка даков разрушить и их духовную культуру. Если дакийская знать, по-видимому, с самого начала вступила в сотрудничество с римлянами¹, которое постепенно укреплялось², то дакийские крестьяне не только продолжали хранить свои прежние верования и элементы своей культуры, но и активно выступали против Рима. Наличие в завоеванной области большого слоя землевладельцев крестьян суживало римское влияние и ограничивало его преимущественно городскими слоями, армией, императорской администрацией, вольноотпущенниками. Что же касается пришлого населения, которое в известной мере играло в Дакии роль колонизаторов провинции, то и относительно его романизации суждение не может быть одинаково категоричным для всех слоев этого населения. Та римская Дакия, которую представляли средние или крупные землевладельцы—римские граждане или романизовавшиеся даки, ветераны и солдаты, провинциальная администрация, магистраты городов, укрепляла и насаждала в стране римские порядки. В качестве декуррионов, эдилов, жрецов они отмечают свою приверженность к римским культам и культам римского мира вообще.

Картина развития римского влияния в Дакии будет неполной, если не коснуться вопроса о распространении в провинции христианства. Как известно, ко времени III в. христианство было знакомо почти всем областям римского мира. В числе тех народов, которые якобы признали учение Христа, Тертуллиан (Adv. Iud., 7) называет и даков. Однако из Дакии отсутствуют соответствующие эпиграфические и археологические свидетельства от времени II—III вв., что не дает достаточных оснований считать сведения Тертуллиана отражающими истинное положение вещей в провинции. По-видимому, это свидетельство Тертуллиана носило декларативный характер, имевший целью подчеркнуть величие христианского учения, признанного якобы даже такими несомненными варварами и язычниками, как скифы, сарматы и германцы. Сам контекст свидетельства Тертуллиана, когда даки названы рядом с сарматами, скифами и германцами, племенами, как известно, никогда не подчинявшимися римлянам и не входившими в состав империи вообще, также указывает скорее на риторический характер этого его утверждения. То обстоятельство, что другие источники, отмечающие проникновение христианства в Дакию, относятся к IV в. — времени, когда Дакия уже не являлась римской провинцией, также ставит под сомнение обоснованность сообщения Тертуллиана. Единственная надпись из Дакии, связываемая

¹ Основание считать так дает Кассий Дион, когда он сообщает, что многие даки во время Траяновых войн перешли на сторону Рима — LXVIII, 11, 1, а один из приближенных Децебала выдал его сокровища римлянам, желая заслужить их расположение — LXVIII, 14, 5.

² Об этом косвенно свидетельствуют многочисленные Ульпии и еще более многочисленные Элии в надписях из провинции.

с христианством¹, а также археологические источники, указывающие на его распространение, относятся к IV в.² Поэтому вопрос о времени распространения христианства в Дакии в значительной мере является еще спорным. Если В. Пырван³ считал логически и исторически необходимым существование в провинции христианства еще до того времени, как она была оставлена Римом, то К. Дайковичу и М. Макря⁴ ставят под сомнение это положение Пырвана. По их мнению, римская левобережная Дакия не знала христианских общин, что, однако, не исключает существования отдельных христиан. После оставления Дакии Римом не все дако-римское население последовало за Аврелианом на правый берег. Именно с оставшимся населением и следует, по мнению М. Макри, связывать и христианское посвящение из Biertan и христианский светильник из Апула североиталийского происхождения. Те связи, которые существовали между старой Дакией и правобережными областями, усилились при Константине I, когда на левом берегу Дуная он соорудил предмостное укрепление и заключил союз с осевшими в Дакии готами. Поэтому время его правления, как считает Макря, было особенно благоприятным для принятия христианства прежним дако-римским населением, тем более, что при Константине христианство стало господствующей религией. Однако в этом большом и сложном вопросе важно также и определение причин, в силу которых христианство не получило признания в Дакии, в то время как отдельные христиане-изгнанники, конечно, могли быть известны в провинции. Объяснение этого следует искать в социальной структуре провинциального общества. Заселенная колонистами, в большей мере, по-видимому, ветеранами, получавшими из рук императорской власти участок земли и денежное вознаграждение, а, следовательно, своим благополучием обязанными всецело лично императору, Дакия не представляла собою той благоприятной среды, которая требовалась для распространения христианской религии. Становясь римскими гражданами и землевладельцами, эти ветераны составляли и пополнили *ordo* колоний и муниципиев Дакии. Естественно, что они выказывали и особое расположение к Римской Троице и к культуре императора Августа, и к культуре римского Сильвана, теперь охранявшего их благополучие, как римских граждан и землевладельцев, и к культуре Митры, почитание которого во всех дунайских провинциях постоянно свидетельствует об особом расположении легионов к сильной императорской власти. Менее всего, естественно, могли христиане вербовать своих сторонников из этих слоев, точно так же, как именно эти слои менее всего могли оказывать сочувствие религии, с которой даровавшая им благополучие императорская власть находилась в постоянной борьбе, особенно в III в. Поэтому

¹ *CIL*, III, 1617: *Ego Zenovius votum posui*: «Я, Зеновий, исполнил обет» Надпись содержит христорогату. К. Н о г е д т, *Eine lateinische Inschrift des 4 Jahrhunderts aus Siebenbürgen*, *AISC*, т. IV (1944), стр. 13—15.

² В Апуле раскопки обнаружили светильник, имеющий изображение креста. В. М и т р е а, *Une lampe chrétienne, découverte en Transylvanie*, «*Dacia*», IX—X (1945), стр. 507—511. По своему орнаменту этот светильник из Дакии сходен с аналогичными христианскими светильниками из Карфагена и других городов Северной Африки; по своей форме — со светильниками из Паннонии, происходящими также от IV века.

³ Исследование В. Пырвана, *Contribuții epigrafice la istoria creștinismului daco-roman*, București, 1911, так же, как и исследование К. Д а й к о в и ч у, *Existența monumente crestine în Dacia*, *AISC*, II, 1936, стр. 192—208, к сожалению, остались мне недоступными. Их точки зрения известны в общих чертах из других работ, например, из работы С. Д а й с о в и с и у, *Siebenbürgen im Altertum*, стр. 207—211, 236—238 и из ниже приведенной работы М. Макри.

⁴ См. М. М а с р е а, *À propos de quelques découvertes chrétiennes en Dacie*, «*Dacia*», XI—XII, 1948, стр. 291—302.

эти романизированные слои населения, к какой-то мере воспринявшие римскую религию и культуру, не были заинтересованы в христианстве. Известное значение, по-видимому, имело то обстоятельство, что поскольку рабство в Дакии, как мне представляется, не являлось институтом, обеспечивавшим в основном производительный труд, то отсутствовало скопление больших масс рабов, т. е. именно та питательная среда, из которой христианство вначале черпало своих основных сторонников. Те же слои, которые в сущности оставались вне орбиты духовного влияния Рима, а ими преимущественно являлись дакийские крестьяне, сохраняя собственные традиции и религиозные верования, должны были быть к нему глубоко равнодушными. К признанию христианства эти слои могли придти только через отрицание римской языческой религии, но такого положения еще не было, поскольку эта религия была ими воспринята крайне поверхностно и лишь в ее официальной части. Во всем остальном, что касалось вопросов веры и представлений, даки держались своих прежних богов и традиций, с которыми у них, несомненно, связывались предания о недавней былой свободе их родины.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРАХИНА